

УДК 340.1
doi:10.35853/vestnik.gu.2026.14-1.05
5.1.1.

Утилитарная редукция наказания: к вопросу о границах парадигмы безопасности в праве

Алексей Павлович Альбов

ФГБОУ ВО «Российская государственная академия интеллектуальной собственности (РГАИС)»,
Москва, Россия, aap62@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1716-0177>

Аннотация. Статья посвящена критическому анализу утилитарной редукции института наказания в современной правовой доктрине. Исследуется процесс трансформации правосудия от модели, основанной на справедливости и воздаянии, к системе управления рисками, где безопасность становится идеей, подчиняющей себе все остальные правовые институты. Показано, что подчинение института наказания логике превенции приводит к утрате важнейших функций: ретрибутивной, экспрессивной и символической. Доказывается концептуальная ошибочность отождествления сущности наказания с одной из его функций – предотвращением преступлений. В этом контексте внимание уделяется процессу секьюритизации права, при котором важнейший принцип права «Ius est ars boni et aequi» замещается оценкой опасности личности и прогнозированием будущих угроз. Утилитарная редукция рассматривается как симптом возможного перерождения правовой системы и политико-правового режима государства, при котором правосудие из инструмента справедливости трансформируется в технологию подавления, а парадигма прав человека вытесняется парадигмой государственной безопасности. В качестве альтернативы предлагается модель функционального пересечения при сохранении автономных сущностных ядер наказания и мер безопасности.

Ключевые слова: наказание, утилитаризм, ретрибутивизм, секьюритизация права, принцип соразмерности, меры безопасности, превенция, управление рисками, символическая функция наказания, новая пенология

Для цитирования: Альбов А. П. Утилитарная редукция наказания: к вопросу о границах парадигмы безопасности в праве // Вестник Гуманитарного университета. 2026. Т. 14, № 1. С. 79–88. DOI 10.35853/vestnik.gu.2026.14-1.05.

Utilitarian Reduction of Punishment: On the Boundaries of the Security Paradigm in Law

Aleksey P. Albov

Russian State Academy of Intellectual Property (RGAIS), Moscow, Russia,
aap62@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1716-0177>

Abstract. This article critically analyzes the utilitarian reduction of punishment in contemporary criminal law doctrine, exploring the transformation of justice from a model based on fairness and retribution to a risk management system, where security becomes an idea that subordinates all other legal institutions. It is demonstrated that subordinating punishment to the logic of prevention leads to the loss of its most important functions: retributive, expressive, and symbolic. The conceptual fallacy of identifying the essence of punishment with one of its functions crime prevention is demonstrated. In this context, attention is paid to the process of securitization of law, in which the fundamental legal principle of “Ius est ars boni et aequi” is replaced by an

assessment of the danger posed by an individual and the prediction of future threats. Utilitarian reduction is viewed as a symptom of the possible degeneration of the legal system and the political and legal regime of the state, in which justice is transformed from an instrument of justice into a technology of oppression, and the paradigm of human rights is supplanted by the paradigm of state security. As an alternative, a model of functional intersection is proposed while maintaining the autonomous essential cores of punishment and security measures.

Keywords: punishment, utilitarianism, retributivism, securitization of law, principle of proportionality, security measures, prevention, risk management, symbolic function of punishment, new penology

For citation: Albov AP. Utilitarian Reduction of Punishment: On the Boundaries of the Security Paradigm in Law. *Vestnik Gumanitarnogo universiteta = Bulletin of Liberal Arts University*. 2026;14(1):79-88. (In Russ.). DOI:10.35853/vestnik.gu.2026.14-1.05.

Введение

В современном развитии истории и философии юриспруденции мы становимся свидетелями методологической трансформации, в рамках которой парадигма безопасности из аналитического инструмента превращается в доминирующую идеологию. Под влиянием новой социальной консервативной мысли современная юриспруденция перешла от «социальной» модели правосудия, ориентированной на исправление правонарушителя, к «криминальному контролю», ориентированному на управление рисками, безопасность и нейтрализацию угроз. Данная идеология подвергает правовые институты, и в первую очередь наказание, утилитарной редукции, фактически сводя всю их богатую сущность исключительно к функции обеспечения общественной пользы и превенции угроз: наказание перестало быть моральным вопросом (в контексте справедливости, воздаяния) и стало вопросом управления – расчетом затрат и выгод, эффективности в снижении рисков, где безопасность становится доминирующей ценностью, подчиняющей себе все правовые институты (см.: [Garland 2001]).

Этот сдвиг не в последнюю очередь был обусловлен материалистической диалектикой, преобладавшей в советской науке, в которой игнорировались случайные факторы, нелинейные социальные связи, абсолютизировалась практика как критерий истины, отрицалась роль религии как духовно-нравственного регулятора общественных отношений, редуцировалось значение философии относительно служебной функции идеологического обоснования партийной линии, а также игнорировалась специфика менталитета этносов и национально-культурная идентичность народов, что создавало проблемы для социальных исследований.

Догматизм материализма и «философская нищета марксизма» (см.: [Вышеславцев 1957]) обусловили построение диалектики, которая как «единственно верная методология» (см.: [Материалистическая диалектика ... 1979]) сохраняется и до настоящего времени. Авторы диссертаций формально упоминают ее, хотя исследования часто носят юридикто-позитивистский догматический характер. Конечно же, не требуется полный отказ от диалектики, но современная постнеклассическая наука исходит из принципа дополнительности методов, исключая абсолютизацию методологии. «Инерционность представлений по поводу особой “правильности” диалектики, к сожалению, не учитывает то обстоятельство, что за столетия своего развития наука выработала достаточно много принципиально разных критериев истинности тех или иных положений» (см.: [Яркова 2012, с. 91–92]).

В результате фундаментальные измерения права – ретрибутивные, экспрессивные и символические – сознательно выносятся за скобки. Идея справедливости подменяется логикой целесообразности, что превращает правосудие в технологию управления социальными рисками. Логика управления рисками вытесняет экспрессивную функцию наказания (выражение общественного осуждения) и переосмысливает ретрибутивизм (воздаяние по заслугам) как нейтрализацию опасных индивидов. Кроме того, в научный оборот была введена дефиниция «новая пенология» (new penology). Она отражает

смещение акцента от ресоциализации индивида (с учетом его вины, мотива, исправления) к управлению группами риска с помощью статистических методов (см.: [Feeley, Simon 1992]).

Вся эта подмена понятий влечет за собой опасную путаницу: юристы начинают смешивать две совершенно разные вещи: конкретный институт «мер безопасности» и «безопасность» общества и государства как общую политическую цель (см.: [Михеев 2003; Преступления против общественной безопасности 2020]).

Во-первых, меры безопасности – это инструментарий, который закон позволяет применять к лицам, действующим без вины, например к невменяемым, чтобы просто изолировать исходящую от них угрозу вовне и для самих себя. Как справедливо отмечал Г. Харт, право включает в себя правила морали и обязанности, следовательно, необходимо проводить четкое разграничение между принуждением, которое применяется для поддержания моральных норм общества (юридический морализм), и принуждением для защиты индивидов от самих себя (юридический патернализм) [Харт 2020, с. 23, 53, 113–129].

Во-вторых, это бесосновательная идея, которой можно оправдать что угодно, любые ограничения. В результате, когда эти два понятия ставят на один уровень, происходит логический сбой: «правила игры», созданные для невиновных (оценка по степени опасности), также начинают применяться и к виновным. В итоге наказание, которое по своей природе требует справедливости и соразмерности, начинают оценивать по чужой для него шкале – шкале прагматической пользы в борьбе с угрозами (см.: [Уткин 2018, с. 20, 82–84, 190, 204–205, 226]). Фактически стратегии управления рисками (изначально применимые к стихийным бедствиям или болезням) были перенесены на сферу правонарушаемости, что и привело к подмене цели наказания (см.: [Garland 2001]).

Результаты и их обсуждение

Классическая правовая, прежде всего уголовно-правовая, доктрина¹ исходит из принципиального разграничения наказания и мер безопасности. Наказание ретроспективно, его основаниями служат вина и справедливость в ответ на совершенное деяние. Меры безопасности, напротив, проспективны, их применение обусловлено опасным состоянием лица и нацелено на предотвращение будущего вреда. В рамках традиционной системы эти институты действуют скоординированно, но не находятся в соподчинении (см.: [Байбарин, Гребеньков, Шевелева 2017, с. 15, 20, 88, 123, 319]).

Подход, абсолютизирующий ценность безопасности, разрушает этот доктринальный баланс (см.: [Выговская, Харченко 2024]). Он не просто дополняет существующую систему, а выстраивает строгую иерархию, в которой безопасность становится высшей, всеопределяющей целью. Такое положение вещей показательно иллюстрируют результаты общего анализа содержания Федерального закона Российской Федерации «О безопасности» от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ и Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 02 июля 2021 г. № 400. В этой новой парадигме наказание утрачивает свою самостоятельную ценность и низводится до статуса одного из утилитарных инструментов государственной политики по управлению рисками (см.: [Бабурин 2007, с. 208–209]).

Следствием такого подчинения становится эрозия фундаментальных принципов наказания, так как справедливость и соразмерность перестают быть безусловными императивами, уступая место критерию оперативной (политической) целесообразности. Кроме того, они могут быть принесены в жертву ради более эффективного, с точки зрения превенции, воздействия на личность (см.: [Горлач 2002, с. 10–43; Хачатуров, Липинский 2007, с. 173–197]). Вследствие этого происходит качественная трансформация: правосудие, основанное на оценке прошлого, подменяется технологией администрирования

¹ Настоящая работа, общетеоретическая по своей сути, будет опираться на положения различных отраслевых концепций наказания, среди которых первенство по глубине и качеству проработки принадлежит уголовному праву.

будущих опасностей, хотя «справедливость представляет собой некое особое свойство, характерное для права, которое может выступать как определенная мера, при которой требование и воздаяние оптимизируются, выражая интересы личности, общества и государства, а также обеспечивая их защищенность правом. Нередко норма, справедливая по своей сути и содержанию, может привести к нарушению баланса интересов в результате недобросовестного применения... когда вопрос стоит о несправедливости в применении норм права, следует говорить об оценке норм правоприменяющими субъектами, причем эта оценка может исходить от субъектов, которые непосредственно занимаются правоприменением, либо от субъектов, чьи интересы не защищены в результате деятельности обозначенных ранее субъектов. И часто в таких случаях получается, что справедливость самой нормы искажается» (см.: [Ягофарова 2017, с. 72]).

Сегодня становится очевидным, что в основе охранительной идеи права, выраженной в законе, лежит фундаментальное противоречие между двумя взаимоисключающими парадигмами: справедливостью и полезностью. Эти подходы не просто конкурируют – они представляют собой диалектическую оппозицию, определяющую саму природу наказания (см.: [Соломатин. Нравственные измерения ... 2014, с. 83–84; Бачинин 2001, с. 386–401; Петин 2010, с. 4, 9–11, 33, 36, 39, 53, 148, 161, 173, 199, 241, 245–246, 304]).

Логика справедливости по своей сути ретроспективна, так как она обращена в прошлое, к факту совершенного правонарушения, а ее главная цель – воздаяние, восстановление нарушенного баланса через применение к виновному меры, соразмерной тяжести его деяния и степени его вины.

В ретрибутивистской системе наказание представляет собой самоценный акт, оправдание которого заключено в нем самом, а не во внешних социальных эффектах. Однако недооценка многомерности понятия «вины» и игнорирование деструктивных аспектов человеческой природы приводят к деформации правоохранительной системы. Она превращается в карательно-репрессивный механизм, осуществляющий лишь возмездие над правонарушителем, утрачивая при этом важнейшие функции: его исправление, гуманизацию общественных нравов и реформирование наказательной системы в соответствии с принципами человеческого достоинства (см.: [Соломатин. Наказание как проблема ... 2014, с. 6]).

Логика полезности, напротив, проспективна, так как она смотрит в будущее, фокусируясь не на самом деянии, а на личности правонарушителя и той угрозе, которую он может представлять. Ее цель – не воздаяние, а превенция, снижение будущих социальных рисков. Эффективность становится главным критерием, а наказание превращается в инструмент для достижения этой цели, будь то через устрашение, исправление или изоляцию.

Эти два подхода не просто различны; они находятся в состоянии концептуального противоречия. Справедливое, т. е. соразмерное вине, наказание может быть оценено как неэффективное с точки зрения предотвращения будущих угроз. И наоборот, мера, признанная полезной для нейтрализации опасности, рискует оказаться глубоко несправедливой, поскольку игнорирует масштаб совершенного деяния (см.: [Савина, Ванг 2003]). Попытка полностью подчинить справедливость утилитарным соображениям безопасности неизбежно ведет к деформации наказания, превращая его в акт чистого прагматизма (см.: [Суденко 2010, с. 43–47]).

По мнению Иммануила Канта, справедливость при назначении наказания – высшая цель правосудия, «карающий закон есть категорический императив, и горе тому, кто в изворотах учения о счастье пытается найти нечто такое... ведь если исчезнет справедливость, жизнь людей на земле уже не будет иметь никакой ценности» [Кант 1965, с. 256].

Именно это имманентное противоречие служит фундаментальной границей для утилитарной парадигмы в праве, которое демонстрирует нам, что логика безопасности не может безгранично расширяться, не разрушив при этом саму идею правосудия

и право человека на свободу. Не случайно еще классическая правовая мысль констатировала, что «обеспечение благосостояния всех и каждого с соблюдением принципа равенства и справедливости, но без учета принципа свободы возможно только при деспотизме» [Хайек 2006, с. 251–252]. Любая попытка разрешить этот конфликт в пользу одной лишь полезности является не синтезом, а отказом от одного из ключевых оснований, на которых исторически строится институт наказания. Утилитаризм, доведенный до своего логического предела и игнорирующий автономию личности, неизбежно превращается в инструмент тоталитарного контроля, где цель якобы всеобщего блага оправдывает любые средства подавления индивидуальной свободы (см.: [Новгородцев 2021]).

Подчинение наказания исключительно утилитарной логике приводит к его опасному упрощению (см.: [Прокофьев 2019, с. 201–204]). Такой подход игнорирует тот факт, что наказание является сложным социальным институтом, функции которого не сводимы к одной лишь пользе в виде предотвращения будущего вреда. При этой редукции жертвами становятся как минимум три фундаментальных, нередуцируемых аспекта наказания (см.: [Аргонов 2008]).

Прежде всего, утрачивается ретрибутивная, или карательная, сущность наказания. Идея воздаяния – ключевой элемент правосудия, утверждающий, что за совершенное злодеяние должно последовать соразмерное ему лишение. Этот принцип обращен к прошлому и основан на категориях вины и справедливости. Утилитарный подход, ориентированный на будущее, обесценивает данный аспект. Соразмерность деянию подменяется расчетом необходимой степени воздействия для нейтрализации угрозы, что лишает наказание его морального и правового основания (см.: [Яркова 2001, с. 16–75, 310]).

Во-вторых, страдает экспрессивная функция наказания. Через акт наказания общество не просто управляет рисками, но и выражает свое категорическое осуждение противоправного деяния, публично подтверждая приверженность определенным ценностям. Это мощный коммуникативный акт, направленный как на преступника, так и на все общество (см.: [Уголовное право ... 2022, с. 13, 22–26, 31–37]). Утилитаризм же дегуманизирует этот процесс, превращая его из морального высказывания в холодную административную процедуру, лишённую ценностного содержания (см.: [Милль 2013, с. 113, 181, 183–185, 191–195, 199, 207–213]).

Наконец, утрачивается символическая функция наказания. Правонарушение – это не только причинение вреда, но и символический вызов установленному правопорядку (см.: [Плотников 2013, с. 16–17, 31–33]). Наказание, в свою очередь, служит актом символического восстановления этого порядка, оно подтверждает незыблемость нарушенной нормы и авторитет закона. Когда наказание рассматривается лишь как инструмент превенции, эта важнейшая функция по «ремонту» социальной ткани игнорируется. Система перестает восстанавливать нарушенный символический баланс, концентрируясь исключительно на управлении будущими угрозами (см.: [Хиллота 2024, с. 125]).

Следовательно, редукция наказания до инструмента безопасности – это не просто смена акцентов, а его содержательное выхолащивание, она лишает наказание ключевых функций, которые и придают последнему легитимность в глазах общества.

Функциональный подход, анализирующий правовые институты через призму их целей и социальных последствий, является легитимным и продуктивным инструментом юриспруденции, однако проблема возникает в тот момент, когда этот методологический прием становится тотальным, претендуя не на объяснение, а на определение самого явления. В контексте уголовного права такая абсолютизация приводит к подмене сущности наказания одной из его функций – превентивной.

Очевидно, что сущность и функция – не тождественные категории. Сущность наказания коренится в ретроспективной связи с совершенным правонарушением; его онтологическим основанием является вина, а его внутренним императивом – справедливость.

Наказание есть акт воздаяния за прошлое. Превенция же – это одна из его ключевых функций, описывающая его телеологическое назначение, его ориентацию на будущее.

Функция отвечает на вопрос «для чего?», раскрывая целевое измерение наказания, в то время как сущность отвечает на вопрос «что это?», определяя его онтологическую природу. В контексте наказания это разграничение имеет принципиальное значение: сущность наказания – это воздаяние за вину (что оно есть по своей природе); функция наказания – превенция преступлений (для чего оно применяется в социальной практике). Смещение этих категорий ведет к методологической ошибке, при которой инструментальное назначение подменяет собой сущностное содержание правового института.

Функционализм совершает методологическую ошибку, отвечая на второй вопрос через первый, так как он определяет наказание не через его внутреннюю природу, а через его предполагаемый полезный эффект. В результате этого сдвига происходит подмена: превентивная цель из желаемого следствия наказания превращается в его основание и единственное оправдание.

Эта подмена имеет далеко идущие практические последствия. Так, если наказание – это прежде всего инструмент предотвращения будущих противоправных актов, то его параметры должны определяться не тяжестью содеянного, а степенью предполагаемой опасности правонарушителя (см.: [Бабаев, Пудовочкин 2019, с. 138–140, 144–146]). Принцип соразмерности вине неизбежно уступает место принципу целесообразности в деле нейтрализации угрозы. Наказание перестает быть мерой юридической и моральной оценки прошлого и трансформируется в технологию управления рисками (см.: [Арямов 2009]), где правосудие низводится до уровня расчета (см.: [Мальцев 2012, с. 93, 309, 313, 585, 706–708]).

Следовательно, опасность функционализма заключается не в самом анализе функций, а в его мировоззренческой экспансии. Когда одна из функций, пусть и важнейшая, начинает определять всю сущность института, происходит его качественное искажение. Юридическая конструкция, исторически выстроенная вокруг идей вины и справедливости, разрушается, уступая место прагматичной модели администрирования, для которой человек является не субъектом права, а объектом превентивного воздействия.

Распространение утилитарной парадигмы в праве приводит к его системной деформации, которую можно определить как «секьюритизацию права». Это означает, что логика безопасности, изначально являвшаяся лишь одним из элементов правовой системы, начинает проникать во все ее институты, подчиняя их себе и становясь высшим, всеопределяющим критерием. Прямым следствием этого процесса является девальвация двух фундаментальных принципов, составляющих ядро «наказательного» права: принципа вины и принципа соразмерности.

Первым под удар попадает принцип вины, так как именно в традиционной доктрине вина является необходимым и достаточным основанием юридической ответственности. Она представляет собой ретроспективную оценку психического отношения лица к совершенному им деянию и его последствиям. Вина – это категория юридическая и моральная, прочно связанная с фактом прошлого.

Секьюритизация права подменяет этот центральный элемент, и в фокусе внимания оказывается не вина, а прогностическая и по своей природе спекулятивная категория – «опасность личности». Центральным вопросом становится не «виновен ли субъект в том, что совершил?», а «насколько он опасен для общества в будущем?» Таким образом, объективное основание ответственности (совершенное деяние) вытесняется субъективной оценкой потенциальной угрозы, что открывает путь для превентивного правосудия, наказывающего не за то, что было сделано, а за то, что гипотетически может быть сделано.

Трансформации подвергается также и принцип соразмерности: классическое правопонимание настаивает на соразмерности наказания тяжести совершенного деяния и степени вины преступника, что обеспечивает предсказуемость и справедливость правосудия, где процессуально устанавливается объективный критерий для определения меры воздействия.

В логике секьюритизации этот принцип также трансформируется в требование соразмерности наказания не деянию, а именно предполагаемой угрозе, исходящей от личности. Это означает, что за относительно незначительное правонарушение лицо, признанное «высокоопасным» или «особо вредным», может подвергнуться непропорционально жестким санкциям, оправданным не воздаянием за содеянное, а необходимостью потенциальной нейтрализации.

Хотим отметить, что отказ от утилитарной редукции не означает отрицания превентивной функции наказания или игнорирования легитимной заботы государства о безопасности. Проблема заключается не в наличии этих целей, а в их иерархическом соподчинении, которое искажает правовую материю. Альтернатива этой деформирующей иерархии лежит в переходе к более сложной и диалектически выверенной модели – модели функционального пересечения при сохранении сущностного ядра.

С позиции диалектики ретроспективная логика справедливости (тезис) и проспективная логика безопасности (антитезис) находятся в состоянии необходимого и продуктивного противоречия. Утилитарный подход пытается разрешить это противоречие путем механического поглощения справедливости безопасностью, подчиняя первую второй. Однако это не синтез, а уничтожение одного из полюсов диалектического единства.

Предлагаемая нами модель, напротив, рассматривает это напряжение как неотъемлемое свойство правовой реальности и стремится к подлинному синтезу: правовому балансу, в котором воздаяние за вину и предупреждение преступлений существуют не как взаимоисключающие, а как взаимодополняющие принципы «наказательной» политики. Эта модель может быть концептуализирована как система двух пересекающихся, но автономных кругов, представляющих институты наказания и мер безопасности.

Первый круг – «наказание» – сущностное ядро формируется категориями, нередуцируемыми к пользе: вина, справедливость, воздаяние – это его онтологическое основание. Наказание легитимно только тогда, когда оно является ответом на доказанный факт противоправного деяния. Его мера определяется, прежде всего, принципом соразмерности этому деянию, а не прогностическими оценками. Эта область представляет собой деонтологическое ядро права, где действия оцениваются по их внутренней природе, а не по их последствиям.

Второй круг – «меры безопасности». Его сущностное ядро также автономно, но на совершенно иных основаниях: доказанная опасность личности и необходимость превенции. Это институт проспективный, ориентированный на будущее, и его применение оправдано не виной за прошлое, а объективно установленной вероятностью причинения вреда в будущем. Его интенсивность должна быть соразмерна не прошлому деянию, а степени наличествующей угрозы, и в данном варианте это уже территория прагматики и управления рисками.

Справедливо назначенная санкция не только карает, но и изолирует опасного индивида, удерживает его и других от совершения правонарушений и создает тем самым условия для ресоциализации. Однако эта превентивная функция является вторичным, производным эффектом, а не первичным основанием. Наказание не становится мерой безопасности; оно лишь обретает некоторые ее черты в процессе своей реализации.

Эта модель обладает фундаментальными преимуществами перед иерархической редукцией.

Во-первых, она сохраняет легитимность обоих институтов, так как наказание остается актом правосудия, а не социальной инженерии. Меры безопасности, в свою очередь, не маскируются под наказание, а применяются на своих собственных, честно заявленных основаниях.

Во-вторых, она устанавливает четкие правовые границы. Логика опасности не может проникать в сущностное ядро наказания, чтобы определять его меру в обход принципа соразмерности деянию.

В-третьих, она учитывает философско-правовую точку зрения, что достоинство человека проявляется в справедливом к нему отношении государства как к ответственной личности, но при этом государство вправе принимать разумные меры предосторожности против возможной опасности с его стороны.

Таким образом, решение заключается не в выборе между справедливостью и безопасностью, а в построении системы, где эти начала сосуществуют в состоянии диалектического баланса. Это не иерархия, где одно поглощает другое, а сложная экосистема, в которой наказание и меры безопасности функционально пересекаются, но никогда не теряют своего сущностного, неприкосновенного ядра.

Заключение

Смещение баланса от справедливости к безопасности в уголовном праве не является только академической дискуссией или теоретической ошибкой. Эта тенденция выступает индикатором и следствием более глубоких изменений в политико-правовом режиме государства. Утилитарная редукция наказания возникает там, где меняется фундаментальный договор между гражданином и властью, где безопасность из «рядового» блага превращается в высшую ценность, оправдывающую отступление от основополагающих правовых принципов. Этот процесс часто активизируется в ответ на реальные или сконструированные социальные угрозы. Дискурс «войны с терроризмом», борьбы с организованной преступностью или моральные паники вокруг определенных видов правонарушений создают благоприятную почву для секьюритизации права.

В такой атмосфере публичный и политический запрос смещается от требования справедливости к требованию немедленной и эффективной защиты.

Опасность этого сдвига заключается в том, что он легитимирует беспрецедентное усиление государственного контроля над личностью. Когда критерием для правового вмешательства становится не совершенное в прошлом деяние, а предполагаемая будущая опасность, правовая система неизбежно мутирует. Ее фокус смещается с расследования и наказания за содеянное на предвидение и предотвращение возможного. Это открывает дорогу для превентивных арестов, расширения полномочий спецслужб, тотальной слежки и создания баз данных «потенциально неблагонадежных» лиц. Гражданин из субъекта права, чья свобода является презумпцией, превращается в объект управления рисками, чья потенциальная опасность подлежит постоянной оценке и контролю.

В конечном счете эта тенденция ведет к эрозии самого фундамента правового государства. Происходит опасное смещение акцентов от парадигмы прав человека к концепции государственной безопасности. Если в первой системе государство существует для защиты прав и свобод индивида, а его карательная мощь строго ограничена принципами вины и соразмерности, то во второй – права индивида могут быть принесены в жертву коллективной безопасности, а государство наделяется правом действовать на опережение. Следовательно, утилитарная редукция наказания – это не просто технический вопрос правовой доктрины. Это симптом возможного перерождения правовой системы, при котором она из инструмента справедливости рискует превратиться в технологию подавления, оправдывающую свои действия не законом, а целесообразностью.

Необходимым ответом на утилитарную редукцию и ее политические последствия является решительное и последовательное возрождение философии права. Именно она служит концептуальным оплотом против эрозии смысла, заставляя нас обосновывать правовые институты не сиюминутными расчетами пользы, а непреходящими принципами человеческого достоинства, вины, ответственности и справедливости. Именно философия права способна вернуть в юридическую науку язык ценностей, который был почти полностью вытеснен языком эффективности.

Тезис о том, что институт наказания является всего лишь обеспечительной функцией, структурным элементом или инструментом в системе мер безопасности, представляет собой не просто теоретическое упрощение, а фундаментальную катего-

риальную ошибку, подрывающую сами основы права. Эта концепция меняет местами причину и следствие, фундамент и надстройку, сущность и ее вторичный эффект.

Правовое наказание не является частью системы безопасности – оно предшествует ей. Безопасность правопорядка возникает не как цель наказания, а как его естественное следствие при справедливом применении. Утверждение о размытости границ между наказанием и безопасностью – признак опасной деформации права. В здоровой правовой системе эти границы четко определены и составляют ее основу. Задача права – устанавливать и защищать эти границы, не допуская подчинения справедливого наказания прагматической логике безопасности.

Соотнесение эффективности наказания с «желаемыми показателями безопасности» является прямым путем к демонтажу правосудия и его замене властным произволом, когда не деяние и вина определяют меру воздействия, а текущая конъюнктура и представления власти об «уровне угрозы». В такой системе правосудие перестает быть константой и превращается в переменную, зависимую от политической целесообразности. Это рецепт не правового государства, а государства полицейского, где мера свободы гражданина определяется не его правами, а степенью подозрительности власти.

Список источников

- Аргонов В. Ю. Искусственное программирование потребностей человека: путь к деградации или новый стимул развития? // Вопросы философии. 2008. № 12. С. 22–37. EDN JUGPVD.
- Арямов А. А. Общая теория риска: юридический, экономический и психологический анализ : монография. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Российская академия правосудия, 2009. 172 с.
- Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Феномен риска в контексте профилактической политики (криминальная рискология) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2019. Т. 10, № 1. С. 136–148. DOI 10.21638/spbu14.2019.110. EDN PPNJWZ.
- Бабурин В. В. Риск и его значение для дифференциации уголовной ответственности и индивидуализации наказания // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 297. С. 207–210.
- Байбарин А. А., Гребеньков А. А., Шевелева С. В. Уголовное право России. Общая часть : учеб. пособие / отв. ред. А. А. Гребеньков. Курск : Юго-Западный гос. ун-т, 2017. 429 с.
- Бачинин В. А. Достоевский: метафизика преступления (Художественная феноменология русского протомодерна). СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2001. 412 с.
- Выговская Д. Г., Харченко Е. В. Безопасность как ценность в российском обществе: диахронический аспект // Вопросы психолингвистики. 2024. № 2 (60). С. 38–46. DOI 10.30982/2077-5911-2024-60-2-38-46.
- Вышеславцев Б. П. Философская нищета марксизма. 2-е изд. Франкфурт-на-Майне ; М. : Посев, 1957. 232 с.
- Горлач М. Ю. Права и обязанности субъектов юридической ответственности в современном российском законодательстве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Горлач Михаил Юрьевич ; Моск. акад. МВД России. М., 2002. 162 с.
- Кант И. Сочинения в шести томах. Т. 4, ч. 2 / под общ. ред. В. Ф. Асмуса. А. В. Гулыги, Т. И. Ойзермана. М. : Мысль, 1965. 478 с.
- Мальцев Г. В. Месть и возмездие в древнем праве : монография. М. : Норма : Инфра-М, 2012. 736 с.
- Материалистическая диалектика как логика / АН КазССР, Ин-т философии и права ; редкол.: Ж. М. Абдильдин (отв. ред.) [и др.]. Алма-Ата : Наука, 1979. 342 с.
- Милль Дж. С. Утилитаризм / пер. с англ., предисл. А. С. Земерова. Ростов н/Д : Донской издательский дом, 2013. 240 с.
- Михеев И. Р. Терроризм: Понятие, ответственность, предупреждение : (уголовно-правовое исследование) : квалификационная работа. Владивосток : ЮИ ДВГУ, 2003. 81 с. URL: <https://cchgeu.ru/upload/staff/antiterror/metodicheskie-dokumenty/Терроризм%20понятие,%20ответственность,%20предупреждение.pdf> (дата обращения: 02.11.2025).

- Новгородцев П. И. Политические идеалы Древнего и Нового мира. М. : Юрайт, 2021. 185 с.
- Петин И. А. Осознанное и неосознанное в учении о преступлении : монография. М. : Юрлитинформ, 2010. 336 с.
- Плотников А. И. Объективное и субъективное в преступлении : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Плотников Александр Иванович ; [Место защиты: Моск. гос. юрид. акад. им. О.Е. Кутафина]. М., 2012. 45 с.
- Преступления против общественной безопасности : учеб. пособие в таблицах / Д. А. Безбородов, А. В. Зарубин, Р. М. Кравченко [и др.] ; под ред. А. Н. Попова. СПб. : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2020. 108 с.
- Прокофьев А. Утилитаризм // Философская антропология. 2019. Т. 5, № 2. С. 192–215. DOI 10.21146/2414-3715-2019-5-2-192-215.
- Савина Е. А., Ванг Х. Т. Выбор и принятие решения: риск и социальный контекст // Психологический журнал. 2003. Т. 24, № 5. С. 23–30.
- Соломатин С. В. Наказание как проблема нравственно-правовой философии : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.05 / Соломатин Сергей Владимирович ; [Место защиты: Иван. гос. ун-т], 2014. 20 с.
- Соломатин С. В. Нравственные измерения наказания // История: факты и символы. 2014. № 1-2. С. 82–86. EDN ZJZZVT.
- Суденко В. Е. Справедливость и наказание по И. Канту // Вестник Ассоциации вузов туризма и сервиса. 2010. № 3. С. 42–48. EDN LMSYTU.
- Уголовное право. Общая часть : учебник для вузов / [кол. авт.] ; под общ. ред. В. В. Векленко. 3-е изд. М. : Юрайт, 2022. 512 с.
- Уткин В. А. Проблемы теории уголовных наказаний : курс лекций. Томск : Изд. дом Томского гос. ун-та. 2018. 240 с.
- Хайек Ф. Право, законодательство и свобода: современное понимание либеральных принципов справедливости и политики / пер. с англ. Б. Пинскера, А. Кустарева. М. : ИРИСЭН, 2006. 643 с.
- Харт Г. Л. А. Право, свобода и мораль / пер. с англ. С. Моисеева. М. : Изд-во Института Гайдара, 2020. 130 с.
- Хачатуров Р. Л., Липинский Д. А. Общая теория юридической ответственности : монография. СПб. : Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2007. 950 с.
- Хильота В. В. Понимание сущности преступления в уголовном праве // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19, № 5. С. 113–128. DOI 10.17803/1994-1471.2024.162.5.113-128.
- Ягофарова И. Д. Принцип справедливости в правоприменительной деятельности: вопросы теории и практики // Вестник Гуманитарного университета. 2017. № 3 (18). С. 71–74. EDN ZQJCKR.
- Яркова Е. Н. История и методология юридической науки : учеб. пособие. Тюмень : Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2012. 463 с.
- Яркова Е. Н. Утилитаризм как тип культуры: концептуальные параметры и специфика России. Новосибирск : Сибирский хронограф, 2001. 392 с.
- Feeley M. M., Simon J. The New Penology: Notes on the Emerging Strategy of Corrections and Its Implications // Criminology. 1992. Vol. 30, no. 4. P. 449–474.
- Garland D. The Culture of Control: Crime and Social Order in Contemporary Society. Oxford : Oxford University Press, 2001. 352 p.

Информация об авторе

Алексей Павлович Альбов, д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права, ФГБОУ ВО «Российская государственная академия интеллектуальной собственности» (РГАИС) (Москва, Россия).

Information about the author

Aleksey P. Albov, Dr. Sci. (Law), Professor, Professor at the Department of Civil and Business Law, Russian State Academy of Intellectual Property (RGAIS) (Moscow, Russia).

Статья поступила в редакцию | Submitted 12.11.2025.

Одобрена после рецензирования | Revised 05.12.2025.

Принята к публикации | Accepted 05.12.2025.